

Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024. № 1 (108). С. 48–58.
Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024.
No.1 (108). P. 48–58.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)

Научная статья

УДК 340.1

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.21.35.003

ЛИЧНЫЙ СЫСК КАК МЕТОД ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ ДОСОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ

Сысоев Алексей Александрович

Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия, daosss1972@yandex.ru

Введение. В условиях современной трансформации Российской государственности закономерно усилилось внимание к проблемам совершенствования правоохранительной деятельности. Особое значение приобрели вопросы противодействия проявлениям уголовной преступности. Неслучайно на протяжении последнего десятилетия заметно активизировалось изучение процесса становления и развития уголовного сыска. Объектом исследования является деятельность полиции Восточной Сибири, направленная на борьбу с уголовной преступностью, предметом – реализация этой деятельности посредством применения одного из методов оперативно-разыскной деятельности – личного сыска. Научная новизна проведенного исследования заключается в анализе особенностей внедрения в деятельность полиции Восточной Сибири передовых методов сыска.

Материалы и методы. В работе использован метод исторического материализма, а также методологический инструментарий сравнительно-правового исследования, анализ, синтез, дедукция и индукция.

Результаты исследования. В работе определены содержание, тенденции, закономерности и противоречия процесса становления и развития уголовного сыска на территориях восточных окраин Российской Империи.

Выводы и заключения. Личный сыск при проведении оперативных мероприятий представлялся наиболее динамичным способом получения необходимых сведений, но при этом требовал не только персонального участия полицейских чиновников, но и их профессионального мастерства. При этом получение необходимых сведений путем проведения розысков, словесных расспросов и негласного наблюдения практиковалось в Восточной Сибири крайне редко и только отдельными полицейскими чиновниками. При этом существовавшая насущная потребность в производстве дознаний и вводимые в этих целях жесткие требования надзорных органов вели лишь к излишней бюрократизации уголовного сыска и как следствие к крайне низкой его эффективности.

Ключевые слова: уголовный сыск, полиция, преступность, судебная реформа, оперативно-разыскная деятельность, Восточная Сибирь, личный сыск, раскрытие преступления, дознание

Для цитирования: Сысоев А. А. Личный сыск как метод оперативно-розыскной деятельности полиции Восточной Сибири досоветского времени // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России : науч.-практ. журн. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2024. № 1 (108). С. 48–58.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.21.35.003

**5.1.1. Theoretical and historical legal sciences
(legal sciences)****Original article****PERSONAL INVESTIGATION AS A METHOD OF OPERATIONAL AND
INVESTIGATIVE ACTIVITY OF THE POLICE IN EASTERN SIBERIA
PRE-SOVIET TIMES****Alexey A. Sysoev**East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia,
daosss1972@yandex.ru

Introduction: In the conditions of modern transformation of the Russian statehood, the attention to the problems of improving law enforcement has naturally increased. The issues of counteraction to manifestations of criminal offences have acquired special importance. It is no coincidence that during the last decade the study of the process of formation and development of criminal investigation has become more active. The object of the study is the activity of the police of Eastern Siberia, aimed at combating criminal offences, the subject is the implementation of this activity through the use of one of the methods of operational and investigative activity - personal investigation. The scientific novelty of the study lies in the analysis of the peculiarities of the introduction of advanced methods of investigation in the activities of the police in Eastern Siberia.

Methods and Materials: the work uses the method of historical materialism, as well as methodological tools of comparative legal research, analysis, synthesis, deduction and induction.

The Results of the Study: the paper defines the content, trends, regularities and contradictions of the process of formation and development of criminal investigation in the territories of the eastern periphery of the Russian Empire.

Findings and Conclusions: Personal search during operational activities was the most dynamic way of obtaining the necessary information, but it required not only personal participation of police officials, but also their professional skills. At the same time, obtaining necessary information through searches, verbal questioning and covert surveillance was rarely practised in Eastern Siberia and only by individual police officials. At the same time, the urgent need to conduct enquiries and the strict requirements of supervisory bodies imposed for this purpose led only to excessive bureaucratisation of criminal investigation and, as a consequence, to its extremely low efficiency.

Keywords: criminal investigation, police, crime, judicial reform, operational investigative activities, Eastern Siberia, personal investigation, crime detection, inquiry.

For citation: Sysoev A.A. Lichnyj sysk kak metod operativno-rozysknoj dejatel'nosti policii Vostochnoj Sibiri dosovetskogo vremeni [Personal investigation as a method of operational and investigative activity of the police in eastern Siberia pre-soviet times]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii - Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Irkutsk, 2024, no. 1 (108), pp. 48–58.

DOI: 10.55001/2312-3184.2024.21.35.003

В современной юридической литературе личный сыск рассматривается как комплексный метод оперативно-разыскной деятельности, включающий в себя различные приемы распознавания преступников, ведение негласного наблюдения, проведение оперативных установок в целях предотвращения и раскрытия преступления и розыска скрывшихся преступников [1, с. 134].

Являясь одним из действеннейших способов борьбы с уголовной преступностью, личный сыск получил самое широкое распространение среди отечественных правоохранителей. Исторический опыт развития и применения данного метода розыскной деятельности позволяет судить о его ключевом значении и в деятельности полиции дореволюционной России.

Впервые на процессуальном уровне о личном сыске, как о составляющей части дознания по обстоятельствам уголовных преступлений, было заявлено в Уставе уголовного судопроизводства, принятом 20 ноября 1864 г. В главе «О лицах, участвующих в производстве предварительного следствия» говорилось, что в случае обнаружения признаков совершения преступления и отсутствия на месте судебных следователей и прокуроров, полиция должна была сама производить надлежащее дознание. При этом в качестве основных способов получения нужных сведений законодатель указывал розыски, словесные расспросы и негласное наблюдение¹. В дальнейшем к мерам розыска были отнесены «осмотры местности, потерпевших и различного рода предметов, отыскание и охрана следов»².

К указанному времени личный сыск в сравнении с иными способами розыска представлялся наиболее динамичным способом получения необходимых сведений, но при этом требовал не только персонального участия полицейских чиновников, но и их профессионального мастерства [2, с. 21].

Неслучайно среди отечественных теоретиков правоохранительной деятельности бытовало мнение, что «оперативная работа требует привлечения особых исполнителей, отвечающих самым высоким требованиям, предъявляемым обществом и государством» [3, с. 46].

«В дело полицейской организации по сыску должно идти не отрепье, а цвет полицейской силы, – утверждал видный представитель юридической науки ученный-правовед И.М. Снегирев. Прежде всего, по мнению автора, полицейский чиновник должен был обладать «смелостью, обеспечивающей необходимую в полицейском деле отвагу; нравственной порядочностью и безупречным поведением, являющимися единственным залогом доверия общества; умением хранить тайну, обеспечивающим доверительное отношение благонамеренных обывателей; всесторонним развитием и возможно большими познаниями до энциклопедичности» [4, с. 4].

Между тем итоги правоохранительной деятельности представляли совершенно никакого представления о приемах и средствах, способствующих раскрытию происшествий» [4, с. 5].

В результате, по сведениям профессора Харьковского университета Всеволода Пиевича Даневского, «более чем в одной трети уголовных дел следователи не могли отыскать достаточных улик против обвиняемых, или не в состоянии были напасть

¹ ПСЗРИ: [Собрание 2-е]. СПб., 1867. Т. 39. С. 233.

² Энциклопедический словарь: репринтное воспроизведение издания Ф. А. Брокгауз – И. А. Ефрон. 1890 г. Ярославль: Терра, 1990-1994. Т. 27. С. 23.

на следы какого бы то ни было определенного лица» [5, с. 4]. Неудивительно поэтому, что, по заявлению сенатора и тайного советника Николая Ивановича Ланге, по Харьковской судебной палате в 1877 г. из 13 517 предварительных следствий из-за необнаружения виновных в совершении уголовных преступлений было прекращено 9 877 дел. Причем с течением времени эта тенденция практически не менялась. Если в 1878 г. таким образом прекратили 69 % предварительных следствий, то в 1879 – 66,5 %. Не лучше дела обстояли и в других регионах Империи. Так, в 1877 г. на территории округа Казанской судебной палаты по тем же причинам из 19 129 предварительных следствий приостановили 7 950.

При этом в качестве основной причины неудовлетворительного состояния следственной части Н. И. Ланге указывал на «слабость и недостаточность организации полиции, производящей дознание»³. Тем самым сенатор отдавал ключевую роль при раскрытии преступлений предварительным действиям полиции. По свидетельству современников тех событий, «всем [было] известно, насколько редки до исключительности оказывались случаи, когда следователь, имея значительный должностной район, прибывал на место ранее чинов полиции». В большинстве случаев, утверждали сведущие люди, «это происходило лишь через несколько дней после сообщения» [4, с. 8].

Особое значение приобретали первоначальные действия полицейских в случае расследования преступлений, совершенных в условиях неочевидности, когда лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не было установлено и задержано по горячим следам. В таких ситуациях для эффективной деятельности следствия от чиновников полиции требовалось незамедлительное установление фактических данных, входящих в предмет доказывания по уголовному делу. Подобные мероприятия были неразрывно сопряжены с проведением личного сыска [6, с. 40]. Однако на практике представители общей полиции оказывались не способны к осуществлению индивидуальной оперативной деятельности. По отзывам с мест, «исполнителями такой задачи в огромном большинстве являлись лица, не имеющие не только профессионального образования или специальной к тому подготовки, а нередко совершенно не знакомые даже с общеизвестными приемами сыска, со способами собирания сведений о происшествии» [4, с. 8].

Такое положение вещей являлось характерным для большей части Империи. Отсутствие соответствующей оперативной практики среди чинов общей полиции и возможности получения ими специального образования минимизировали вероятность применения приемов личного сыска, а следовательно, и раскрытия преступлений, совершенных в условиях неочевидности.

Причем чем дальше от метрополии находились правоохранители, тем ниже оказывалась их профессиональная квалификация и тем больше усугублялась ситуация с раскрытием уголовных преступлений.

Обстановка, сложившаяся к этому времени на восточных окраинах государства, оказалась настолько плачевной, что привлекла внимание самого императора. Александр III, ознакомившись с состоянием правоохранительной деятельности в Иркутской губернии, распорядился «обратить [на это] особое внимание» министра внутренних дел⁴.

³ Материалы для пересмотра законоположений о порядке производства предварительных следствий. СПб. : М-во юст., 1882. С. 174.

⁴ Протокол заседания 7 мая 1886 г. // Известия Иркутской городской думы. 1886. № 11,12. С. 96. ГАИО, ф. 32, оп. 1, д. 446, л. 241.

Примечательно, что специальная комиссия, сформированная по распоряжению генерал-губернатора Восточной Сибири А. П. Игнатьева, пришла к однозначному выводу: «При настоящем своем составе полиция не имеет возможности добросовестно исполнять свои прямые обязанности»⁵.

Подобные суждения имели объективные основания. Значительное удаление от центра принятия решений задерживало реформы в правоохранительной сфере и снижало их эффективность. Так, если по указу от 8 июня 1860 г. законодатель, «желая дать полиции более средств к успешному исполнению ее обязанностей, столь важных для порядка и спокойствия жителей всех состояний», отделил от нее в 44 губерниях Империи досудебное следствие⁶, то в губерниях Восточной Сибири судебные следователи появились только в 1885 г.⁷

Очередное реформирование правоохранительных структур 1862 г., проведенное в центральной России для «изменения и улучшения в устройстве полиции», достигло Восточной Сибири лишь спустя пять лет⁸. Объединение городской полиции и нижних земских судов в окружные управления произошло здесь только в 1867 г. с принятием закона «О преобразовании полиции в Сибири»⁹. Благодаря нововведению в Восточной Сибири были образованы окружные полицейские управления. При этом немаловажная роль в отправлении правоохранительных функций по-прежнему отводилось земским заседателям, которые в свою очередь «направляли» службу выбиравшихся из числа сельских обществ сотских и десятских.

«В целом рассмотренные мероприятия реформы соответствовали общероссийской тенденции», – отмечает по этому поводу современный исследователь М. Ш. Альмухаметова. При этом автор указывает, что «реорганизация полицейских органов имела в значительной степени внешний характер, а круг их административных обязанностей существенно не изменился» [7, с. 159]. Отчасти эти выводы подтверждает и сам текст закона, оговаривавший, что, «впредь до окончательного устройства Сибирской полиции преобразуемые полицейские управления [должны были] в действиях своих руководствоваться, теми же постановлениями, коими руководствовались до ныне городские и окружные полицейские управления в Сибири»¹⁰.

В результате преобразование правоохранительных структур оказались частичными и практически не затронули основной круг обязанностей полицейских чиновников, за которыми по-прежнему сохранялись следственные и судебные функции. При этом круг иных обязанностей, не связанных с правоохранительной деятельностью, оставался крайне широким и фактически исключал возможность эффективного ведения личного сыска.

В таких условиях надлежащий розыск не осуществлялся даже по делам, выделенным из общей подсудности, т. е. взятым под персональный контроль генерал-губернатора.

Указывая на это обстоятельство, прокурор Иркутской судебной палаты отмечал:

⁵ Протокол заседания 7 мая 1886 г. // Известия Иркутской городской думы. 1886. № 11,12. С. 97–98.

⁶ ПСЗРИ: Собрание 2-е. СПб., 1862. Т. 35. № 35890. С. 710.

⁷ ПСЗРИ: Собрание 3-е. СПб., 1887. Т. 5. № 2770. С. 80.

⁸ ПСЗРИ: Собрание 2-е. СПб., 1865. Т. 37. № 39087. С. 588.

⁹ ПСЗРИ: Собрание 2-е. СПб., 1871. Т. 42 № 44681. С. 879.

¹⁰ ПСЗРИ: Собрание 2-е. СПб., 1871. Т. 42 № 44681. С. 879.

«Каждый полицейский чиновник, производя дознание по делу, предназначенному к изъятию из общей подсудности, уже по одному тому, что на дело это обращено внимание Главного Начальника края преисполнен желанием обнаружить виновных, но когда такой чиновник, будучи обременен разнообразною срочною работою, не имеет физической возможности посвятить этому делу столько времени и сил, сколько бы на то следовало, он вынужден ограничивать действия свои сообщением судебной власти слухов, им самим надлежащим образом не проверенных»¹¹.

Наряду с обширными полномочиями заметное влияние на отправление полицейских обязанностей оказывал кадровый «голод». Штаты сибирской полиции оказались явно недостаточными. Так, например, в административной столице Восточной Сибири – Иркутске на службе числилось только 69 нижних чинов. На всю Енисейскую губернию, равную по площади половине всей европейской части Империи, приходилось лишь 38 полицейских чиновников [8, с. 295].

Согласно исследованиям А. В. Ремнева, во второй половине XIX в. сибирские «уезды, нередко по пространству превосходящие размеры губерний Европейской России, имели всего одного исправника с помощником и несколькими земскими заседателями, которые являлись в одно и то же время и полицейскими чиновниками, и судебными следователями» [9, с. 138]. В результате, как отмечало жандармское ведомство, «в виду обширности округов сведения о совершающихся преступлениях должностные лица получали несвоевременно и расследование по горячим следам было возможно лишь в редких случаях»¹².

Не лучшим образом обстояли дела и в административных центрах края. Так, в столице генерал-губернаторства – Иркутске из всех имевшихся полицейских чиновников дознания о преступлениях вели только три помощника полицейских приставов [10, с. 27]. «Сам же пристав, – докладывал губернатору иркутский полицмейстер З. Ф. Маковский, – зачастую безусловно [был] лишен возможности наблюдать за наружным порядком и населением вверенной ему части, и в действительности только по ночам, во время объезда по городу в качестве дежурного, он вид[ел] свою часть»¹³.

Между тем, в соответствии с изданными в 1898 г. прокурором Иркутской судебной палаты Кобылиным «Наказом для чинов общей полиции» и «Кратким наказом для волостных старшин, сельских старост и должностных лиц, их заменяющих», чины полиции и волостная администрация были обязаны «принять все меры к разысканию или обнаружению, а в известных случаях и к задержанию виновника преступления, в отношении неизвестно куда скрывшегося обвиняемого должны собрать возможно точные сведения о его приметах и дать дознанию дальнейший ход»¹⁴.

В результате настоятельных требований со стороны надзорных органов и недостаточного количества сил и средств среди чиновников сибирской полиции получила широкое распространение бюрократизация оперативной работы [11, с. 58]. Подобная практика порождала значительное количество служебной переписки, которая еще больше поглощала немногочисленные полицейские ресурсы. Только в течение 1875 г. в ведение

¹¹ Государственный архив Иркутской области (далее – ГАИО), ф. 25, оп. 10, д. 114, л. 49.

¹² Государственный архив Красноярского края (далее – ГАКК), ф. 827, оп. 1, д. 270, л. 1.

¹³ ГАИО, ф. 32, оп. 1, д. 4719, л. 1.

¹⁴ Наказ прокурора Иркутской судебной палаты по раскрытию преступных деяний и обнаружению виновных для чинов общей полиции. Иркутск, 1898. С. 24.

Иркутской городской полиции поступило 58 619 и было направлено в иные места 59 455 служебных документов¹⁵.

С течением времени проблема бюрократизации правоохранительной деятельности только усугублялась [12, с. 27]. Это наглядно продемонстрировала ревизия Иркутского городского полицейского управления, проведенная в 1885 г.

«Розыски если и делаются, то только на бумаге, и то ужасно медленно», – констатировали губернские чиновники. Автор «Записки о ревизии» коллежский советник Михаил Андреевич Митропольский утверждал: «Сыск больше делается на бумаге, чем на самом деле. Обыкновенно, Полицейское Управление по всем сыскным статьям посылает предписание приставам, а те, спросив кое-кого в своей канцелярии о розыске важном или вручив безграмотному полицейскому повестку на имя разыскиваемого и получив от него ответ – что не нашел, доносят по начальству, что по розыскам в районе таковой-то части не оказалось» [13, с. 34].

Примечательно, что с течением времени проблемы с уголовным сыском в деятельности иркутской полиции оставались на прежнем уровне без каких-либо сдвигов. В 1898 г. во время очередной проверки полицейского ведомства Иркутским губернатором И. П. Моллериусом было замечено, что «при ревизии некоторых полицейских должностных лиц и волостных правлений Киренского, Верхоленского и Балаганского округов усмотрена огромная переписка, производимая по розыску похищенных в разных местностях губернии предметов. При ближайшем ознакомлении с установившимися по этому предмету порядками оказалось, что не только волостные, но и полицейские управления в случае совершения в подведомственных им районах краж обращаются к соседним волостным и полицейским управлениям с требованием о производстве розысков похищенного, причем каждое полицейское управление надписью на поступившей бумаге дает предписание полицейскому надзирателю с требованием по окончании розыска передать переписку земскому заседателю 1 уч., который в свою очередь передает переписку для последовательного исполнения подведомственным ему волостным правлениям и по получении переписки от последнего волостного правления передает ее заседателю 2 уч. для подобного же движения. Эту систему усвоили в свою очередь волостные правления, поручая розыски сельским старостам».

Особенно возмутил губернатора тот факт, что, «просмотрев массу таких переписок, [он] ни в одной не нашел успешного результата, обнаружив в то же время столь формальное отношение к этому делу, что передача переписок продолжалась по истечении более года со времени совершения преступления, что разыскивались вещи, признаки которых совершенно не были определены и что нередко искали по истечении продолжительного времени такие предметы, которые должны были быть потреблены, как, например, съестные припасы».

Показательно, что, по мнению И. П. Моллериус, «подобный порядок не находи[л] себе ни малейшего основания ни в законе, ни в практической потребности и представля[лся] даже крайне вредным, так как да[вал] повод полицейским чинам и волостным старшинам ограничиваться канцелярской отпискою, вместо требуемых делом энергических и толковых розысков»¹⁶.

¹⁵ ГАИО, ф. 32, оп. 1, д. 145, л. 26.

¹⁶ Отдел II местный // Иркутские губернские ведомости. 1898. № 16. С. 2.

Такой бюрократический способ розыска, повсеместно практиковавшийся чиновниками сибирской полиции, практически исключал из их деятельности личный сыск.

Лишь частная инициатива тех немногих сибирских сыщиков, которые ставили своей главной целью борьбу с уголовной преступностью, позволяет говорить о применении этого метода полицейскими служителями Восточной Сибири.

Одно из первых упоминаний о выдающихся сыскных способностях отдельных чиновников сибирской полиции относится к частному приставу коллежскому асессору Александру Матвеевичу Блинову. Из сохранившихся документов официального делопроизводства известно, что Александр Матвеевич начал свою профессиональную карьеру при Иркутской полиции в 1857 году [14, с. 158]. Посвятив полицейской службе более чем 19 лет, А. М. Блинов, по отзывам губернского руководства, «неусыпными своими трудами, деятельным усердием и ловкостью постоянно обращал на себя самое лестное внимание всех начальствующих лиц»¹⁷.

Умелое использование приемов личного сыска, скрупулезное исследование обстоятельств совершаемых преступлений и неординарное мышление позволяли сыщику раскрывать самые запутанные преступления, совершенные в условиях неочевидности. После перехода из полицейского ведомства на службу в главное управление Восточной Сибири чиновник по особым поручениям А. М. Блинов неоднократно привлекался к расследованию наиболее диссонансных и запутанных уголовных преступлений [15, с. 138]. Примечательно, что даже спустя полвека иркутские обыватели с благодарностью вспоминали о деятельности своего земляка, охранявшего покой сибирских жителей в середине XIX столетия¹⁸.

Помимо прочих заслуг на поприще уголовного сыска, Александр Матвеевич сумел подготовить достойную смену – унтер-офицера Якова Кондратьевича Чусова. Возглавив впоследствии первый сыскной отряд Иркутской полиции, Яков Кондратьевич продолжил дело своего легендарного учителя. Награжденный за сыскной труд по «Высочайшему Повелению серебряною медалью с надписью "За усердие" для ношения на груди», Я. К. Чусов, прослав среди иркутян «человеком известным своей честностью, усердием в полицейской службе, замечательным сыщиком и специалистом по поимке разбойников»¹⁹.

Не меньшую славу среди жителей Красноярска заслужил полицейский пристав Николай Александрович Кульченков, сумевший лично разыскать менее чем за неделю более 200 чел., бежавших с каторги [15, с. 83].

Между тем большая часть чиновников сибирской полиции предпочитала не обременять себя оперативной деятельностью и игнорировала свои обязанности по производству личного сыска.

В одних случаях сознательно, как это сложилось в полиции г. Иркутска, где со слов ее начальника войскового старшины Х. З. Маковского, «пристава при производстве, как дознаний, так и самих следственных действий дозволяли себе уклоняться от личного

¹⁷ ГАИО, ф. 91, оп. 1, д. 298, л. 16.

¹⁸ Разбойник Алифанов // Сибирский архив. 1912. № 4. С. 267; Дела и подвиги сибирского сыщика А. М. Блинова // Сибирская заря. 1908. № 4–№ 148.

¹⁹ ГАИО, ф. 32, оп. 3, д. 145, л. 2. ГАИО, ф. 91, оп. 1, д. 985, л. 27.

производства обысков, выемок и повальных обысков, что давало возможность разыскиваемым лицам скрыться и скрыть отыскиваемое»²⁰.

В случаях, более характерных для представителей земской полиции, правоохранители в силу отсутствия профессиональных знаний и умений были не способны к выполнению подобного рода функций. Являясь по своей сути крестьянами, десятские, сотские в большинстве своем не обладали ни требуемыми для ведения личного сыска знаниями и навыками, ни возможностью и желанием бороться с уголовной преступностью. Ведь основной специальностью сельского жителя всегда являлось земледелие и животноводство, а производство в суровых условиях Восточной Сибири сельскохозяйственной продукции требовало больших затрат времени и сил.

Если в административных центрах края у правоохранителей превалировали охранно-полицейские функции, то в уездах решались задачи административно-хозяйственного характера. При этом оперативная деятельность представителями и городских, и земских полицией практически не осуществлялась. Отсутствие требуемых сил и крайне низкая профессиональная подготовленность имеющихся сотрудников исключали возможность ведения уголовного сыска даже самыми примитивными методами на уровне отдельных чиновников полиции.

Таким образом, личный сыск, предполагавший получение необходимых сведений путем проведения розысков, словесных расспросов и негласного наблюдения, практиковался в Восточной Сибири крайне редко и только отдельными полицейскими чиновниками. Правоохранители, которые все-таки использовали его приемы на практике, являлись редким исключением. Их деятельность, как правило, имела успех, но не находила дальнейшего продолжения в правоохранительной практике коллег. При этом существовавшая насущная потребность в производстве дознаний и вводимые в этих целях жесткие требования надзорных органов вели к излишней бюрократизации уголовного сыска и, как следствие, к крайне низкой его эффективности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Смоленская, Н. И. Оперативно-розыскные мероприятия, применяемые для раскрытия общеуголовных преступлений при работе личным сыском // Вестник Московского университета МВД России : науч. журн. 2008. № 6. С. 133–142.
2. Юдин, Е. Г. Некоторые вопросы истории развития оперативно-розыскной деятельности и ее правовой основы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление : науч. журн. 2006. № 5. С. 20–24.
3. Андреевский, И. Е. Полицейское право. СПб.: Тип. В.В. Платц, 1874. Т. 1. 648 с.
4. Снегирев, Н. О. О сыске. Опыт исследования приемов, способов и средств к раскрытию истины происшествий. Касимов, 1908. 230 с.
5. Даневский, В. П. Наше предварительное следствие, его недостатки и реформа / Проф. Всеволод Даневский. Москва: т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1895. 89 с.
6. Елинский, В. И. История уголовного сыска в России (X – начало XX в.). М. : Инфра-М, 2004. 76 с.
7. Альмухаметова, М. Ш. Основные этапы реорганизации полиции во второй половине XIX – начале XX в. (на примере Западной Сибири) // Общество: политика, экономика, право : науч. журн. Краснодар : ИД ХОРС. 2016. № 12. С. 152–161.

²⁰ ГАИО, ф. 91, оп. 1, д. 1442, л. 91.

8. Соломон, А. П. Ссылка в Сибири. Очерк ее истории и современного положения для Высочайше учрежденной комиссии о мероприятиях по отмене ссылки. СПб. : Тип. С.-П. Тюрьмы, 1900. 342 с.
9. Ремнев, А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика во второй половине XIX в. Омск : Изд-во ОмГУ, 1997. 252 с.
10. Сысоев, А. А. Начальник Иркутского сыскного отделения Николай Александрович Романов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. №3 (86). С. 26–31.
11. Шинджикашвили, Д. И. Сыскная полиция царской России в период империализма. Омск : Омская высшая школа милиции, 1973. 67 с.
12. Селиванов, Н. Судебно-полицейский розыск у нас и во Франции // Юридический вестник. 1884. № 2. С 328–350.
13. Сысоев, А. А. Преступные объединения как вид соучастия в противоправной деятельности на территории Восточной Сибири в начале XX столетия // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. №1 (92). С. 29–38.
14. Сысоев, А. А. Умышленные убийства на территории Восточной Сибири досоветского времени // Известия лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18. № 1. С. 152–162.
15. Рубцов, С. Н. Уголовный сыск российской полиции Восточной Сибири. Красноярск : Сибирский юридический институт МВД России. 2006. 156 с.

REFERENCES

1. Smolenskaya N.I. Operativno-rozysknye meroprijatija, primenjaemye dlja raskrytija obshheugolovnyh prestuplenij pri rabote lichnym syskom [Operational investigative measures used to uncover common crimes when working as a personal detective]. Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii - Vestnik of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2008, no. 6, pp. 133-142.
2. Yudin E.G. Nekotorye voprosy istorii razvitiya operativno-rozysknoj dejatel'nosti i ee pravovoj osnovy [Some questions of the history of the development of operational investigative activities and its legal basis]. Ugolovno-ispolnitel'naja sistema: pravo, jekonomika, upravlenie - Penal enforcement system: law, economics, management. 2006, no. 5, pp. 20-24.
3. Andreevsky I.E. Policejskoe pravo [Police law]. St. Petersburg, 1874, vol. 1, 648 p.
4. Snegirev N.M. Opyt issledovanija priemov, sposobov i sredstv k raskrytiju istiny proisshestvij [About the investigation. The experience of researching techniques, methods and means to uncover the truth of incidents]. Kasimov, 1908, 230 p.
5. Danevsky V.P. Nashe predvaritel'noe sledstvie, ego nedostatki i reforma [Our preliminary investigation, its shortcomings and reform]. Moscow, 1895, 89 p .
6. Elinsky V.I. Istorija ugolovnogo syska v Rossii (X – nachalo HH v.) [The history of criminal investigation in Russia (X – early XX century)]. Moscow, 2004, 76 p .
7. Almukhametova M.Sh. Osnovnye jetapy reorganizacii polmicii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. (na primere Zapadnoj Sibiri) [The main stages of the reorganization of the police in the second half of the XIX – early XX century. (on the example of Western Siberia)]. Obshhestvo: politika, jekonomika, pravo - Society: politics, economics, law. 2016, no. 12, pp. 152-161.

8. Solomon A.P. Ssylka v Sibiri. Ocherk ee istorii i sovremennogo polozhenija dlja Vysochajshe uchrezhdennoj komissii o meroprijatijah po otmene ssylki [Exile in Siberia. An essay on its history and current situation for the Highly established commission on measures to abolish exile]. S.Pb., 1900, 342 p.
9. Remnev A.V. Samoderzhavie i Sibir'. Administrativnaja politika vo vtoroj polovine XIX v. [Autocracy and Siberia. Administrative policy in the second half of the XIX century]. Omsk, 1997, 252 p.
10. Sysoev A.A. Nachal'nik Irkutskogo sysknogo otdelenija Nikolaj Aleksandrovich Romanov [Head of the Irkutsk detective department Nikolai Alexandrovich Romanov]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii - Vestnik of the VSI of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018, no.3 (86), pp. 26-31.
11. Shinjikhavili D.I. Sysknaja policija carskoj Rossii v period imperializma [The detective police of Tsarist Russia during the period of imperialism]. Omsk, 1973, 67 p.
12. Selivanov N. Sudebno-policejskij rozysk u nas i vo Francii [Forensic police search in our country and in France]. Juridicheskij vestnik – Legal Vestnik. 1884, no. 2, pp. 328-350.
13. Sysoev A.A. Prestupnye ob#edinenija kak vid souchastija v protivopravnoj dejatel'nosti na territorii Vostochnoj Sibiri v nachale XX stoletija [Criminal associations as a type of complicity in illegal activities in Eastern Siberia at the beginning of the XX century]. Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii - Bulletin of the VSI of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020, no. 1 (92), pp. 29-38.
14. Sysoev A.A. Umyshlennye ubijstva na territorii Vostochnoj Sibiri dosovetskogo vremeni [Premeditated murders in the territory of Eastern Siberia of the pre-Soviet period]. Izvestija laboratorii drevnih tehnologij - News of the Laboratory of ancient technologies. 2022, vol. 18, no. 1, pp. 152-162.
15. Rubtsov S.N. Ugolovnyj sysk rossijskoj policii Vostochnoj Sibiri [Criminal investigation of the Russian police of Eastern Siberia]. Krasnoyarsk, 2006, 156 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сысоев Алексей Александрович, кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры тактико-специальной подготовки. Восточно-Сибирский институт МВД России, 664074 г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Sysoev Alexey Alexandrovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Tactical and Special Training. East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 664074 Irkutsk, Lermontov str., 110.

Статья поступила в редакцию 01.12.2023; одобрена после рецензирования 08.12.2023; принята к публикации 01.03.2024.

The article was submitted 01.12.2023; approved after reviewing 08.12.2023; accepted for publication 01.03.2024.